

Я замыкаюсь, чтобы сосредоточиться...

Имя заслуженной артистки России, лауреата Государственной премии Ульяны ЛОПАТКИНОЙ, прима-балерины прославленной труппы Мариинского театра, вновь, после двухлетнего перерыва, появляется на афишах. В годы расцвета своей славы она оставила сцену, чтобы стать матерью, затем перенесла серьезную операцию. Сейчас Ульяна готовится выйти на родную сцену, первым балетом станет "Шехеразада", в которой она исполнит партию Зобеиды. Зрители с нетерпеливым интересом ожидают, какой будет балерина на новом этапе своего творчества. Накануне первого выступления Ульяны Лопаткина ответила на вопросы нашего корреспондента.

— Известие о том, что вы на определенное время покидаете сцену, повергло в уныние всех любителей балета. С какими чувствами и мыслями вы возвращаетесь? Ведь любой перерыв в работе, какими бы причинами он ни был вызван, всегда становится временем размышлений.

— За этот срок я успела очень соскучиться по театру. И это, пожалуй, главное чувство. Возвращение сопровождается неким волнением и даже страхом. Вернуться в профессию достаточно не просто, потому что за столь долгий перерыв естественна полная потеря профессиональной формы. Лучший помощник в данном случае — время. Думаю, что именно оно даст возможность восстановить утраченное без особых потерь.

— В мае прошлого года вы приняли участие в гала-концерте мировых звезд оперы и балета в Мариинском театре. В зале присутствовали высокие гости, прибывшие на празднование 300-летия Санкт-Петербурга. Как вы чувствовали себя на сцене?

— Тогда я танцевала очень осторожно. Скорее "нащупывала" сцену. Благо, что у меня в репертуаре есть шедевр Михаила Фокина "Умирающий лебедь", который не требует выполнения технически сложных деталей. В этой миниатюре нет прыжков, резких движений, технически он оказался мне по силам.

В любом классическом спектакле, о котором я тогда не могла и подумать, технических задач намного больше. В "Лебедином озере", например, два часа сложнейшей хореографии и 32 фуэте "под занавес" третьего акта. Моя нога весной еще не могла выдержать такой нагрузки.

— А сейчас чувствуете уверенность и силу?

— Пока не могу ответить на этот вопрос. Одно дело — справиться с нагрузкой в репетиционном зале, и совсем другое — выдержать от начала до конца полноценный спектакль. Поэтому я бы не торопилась утверждать, что все трудности пройдены и я вернулась окончательно. Точнее сказать, что я начинаю возвращаться и нахожусь в самом начале долгого пути.

— С мая прошло более полугодия, все это время вы репетировали?

— На этот период пришлось отпустить и гастроли Мариинского театра. Они планировались заранее, а их продолжительность была связана с ремонтом и реконструкцией театра. Даты ремонта были изменены, а гастроли, естественно, состоялись, и я принимала в них участие. Для меня они оказались хорошей возможностью попробовать свои силы.

На гастрольях танцевать не так страшно. В Петербурге я ощущаю особо пристальное внимание и со стороны зрителей, и со стороны прессы. Это психологически осложняет выход на сцену, повышает ответственность. А во время турне, вдали от дома, все — в строю, все вместе, в колее. Так что в атмосфере напряженного гастрольного графика работать даже легче.

В Америке я танцевала Зобеиду в "Шехеразаде", акт "Бриллианты" в "Драгоценностях", в Японии дважды "Лебединое озеро".

— После чего сложнее было

входить в форму: после родов или после перенесенной операции на ноге?

— Не думаю, что говорить об этом интересно. Тем более что в моей жизни эти события почти совпали. Я пыталась восстановиться после родов и не смогла, потому что вновь стала болеть нога. Пришлось решиться на операцию. И врачи, и друзья старались меня поддержать, рассказывали, что подобные операции успешно делают в Нью-Йорке, есть специально разработанный курс реабилитации, после которого артисты продолжают танцевать. Это мне помогло обрести уверенность. Да и выхода у меня другого не было — даже самое простое движение доставляло сильную боль. Операция была в начале февраля 2003 года, и спустя месяц-полтора я начала потихоньку заниматься специальной гимнастикой, а потом — делать легкий балетный экзерсис у станка.

После родов, я думаю, приводить себя в форму легче. Этот процесс воспринимается как естественный, и можно смело давать себе нагрузку. А вот после операции невольно осторожничаешь, постоянно помнишь о том, что тебе что-то вырезали-отрезали. Эта боязнь тоже естественна.

— Вы танцевали у разных хореографов. Чей мир вам ближе, интереснее, в каком чувствуете себя свободнее?

— Для того чтобы знать стиль, владеть им, нужно станцевать не один балет того или иного хореографа. Я танцевала, конечно, Ноймайера, но это были небольшие фрагменты, очень избранные. В основном же в моем репертуаре классика XIX века, балеты Фокина и Баланчина, во многом построенные на классике. Если говорить о том, где я свободнее себя чувствую, то не могу сказать, что классика вообще дает какую-то сво-

Вверху: У. Лопаткина. Внизу: в сцене из спектакля "Лебединое озеро"

боду. Скорее, ты зажат в очень четкие и строгие рамки рисунка. И порою это достаточно мучительно — добиваться свободы в этой заданной форме. О том, что в стиле соп-терпагу dance танцовщица чувствует себя намного свободнее, я могу судить по незначительным пробам на репетициях.

— Как репетиции вы имеете в виду?

— Итальянский хореограф Мауро Бигонзетти, который возглавляет сейчас труппу современного танца Aterballetto, пытался поставить балет у нас в театре, но опыт не был доведен до конца. Участвовать в репетициях мне было интересно. Правда, я поняла, что мне не хватает физической подготовки, элементарной "накачанности", если говорить современным языком, для исполнения мощных и стремительных движений.

— Ваш любимый балет классического репертуара?

— Люблю "Лебединое озеро". Но самый близкий образ, наверное, Никая в "Баядерке". Я чувствую эту грустную историю о любви и предательстве. К тому же это трагедия, и трагедия о том, как обстоятельства жизни разводят людей. То есть сюжет весьма современен, и в моем сердце он находит больший отклик, чем сказочные мотивы. Как, например, в "Спящей красавице" — спектакле, который мне тоже очень нравится. Но вы спро-

сили об одном балете. Это — "Баядерка".

— А когда в России вы станцуете "Лебединое озеро" и "Баядерку"?

— "Лебединое" я должна станцевать 5 февраля, а выход в "Баядерке" будет зависеть от репертуара. Сейчас в театре репетируется праздничная программа к столетию Джорджа Баланчина и начинается подготовка новых балетов Уильяма Форсайта.

— Будете ли вы заняты в новой работе?

— Я бы не хотела форсировать события. Мне нужно постепенно вернуться в свой репертуар и только потом думать о новых спектаклях. Пока приходится дозировать нагрузку — у меня прооперирована опорная нога, на которой вертятся фуэте. К счастью, "Лебединое озеро" в Японии получилось, и никаких осложнений не последовало.

— Для вас имеет значение, кто ваш партнер? С кем будете танцевать?

— Конечно, с кем танцую, очень важно, ведь работа делается вместе с партнером. От дуэта зависит уровень спектакля. На гастрольях мы танцевали с Данилой Корсунцевым. Еще один мой партнер — Евгений Иванченко.

— А разве он не в Большом театре, с Анастасией Волочковой?

— Его право выбирать, с кем и когда танцевать. Он работает с Ана-

стасией Волочковой часто, ей тоже нужен партнер. Евгений танцует и в Москве, и в Санкт-Петербурге. В этом сезоне в Мариинском театре я его вижу гораздо чаще, чем обычно, и мы планируем с ним танцевать ряд спектаклей.

— Есть ли у вас кумиры в области балета?

— Я стараюсь жить, придерживаясь Божьих заповедей. Одна из них — не сотвори себе кумира. Я очень боюсь отношения слепого подобострастия. Так что кумиров у меня нет, но есть артисты, которых я уважаю за талант, трудолюбие, вкус. Испытываю глубокое почтение перед актерами старшего поколения. Для меня интересны художники, которые сочетают в себе дар танцевальный и актерский: Екатерина Максимова, Владимир Васильев, Марис Лиепа. Нравятся Александр Годунов, Михаил Барышников. Восхищаюсь своим педагогом — Нинелью Александровной Кургапкиной. Думаю, что пока мне еще не дано до конца понять, как тяжело быть ответственным не за самого себя, а за другого человека, за ученика.

— Как удается совмещать работу и воспитание дочери? Не расскажете ли о своей Машеньке?

— Она уже большая девочка — ей год и семь месяцев. Возраст замечательный, и я с грустью думаю о том, что он скоро пройдет. И действительно, вижу, как с каждым днем Маша взрослеет, сладкое младенчество уходит. Утром, когда я иду в театр, отвожу ее к бабушке и дедушке. Возвращаясь с работы, забираю домой. Утро, вечер, все свободное время, по мере сил я стараюсь быть вместе с дочкой. Хочется больше времени проводить рядом с ребенком, видеть, чувствовать, как он растет, какие желания у него возникают. Пытаюсь приблизиться к ее интересам и не пренебрегать какими-то "важными" детскими проблемами, которые взрослым подчас кажутся малозначительными. Машенька впитывает все, что видит у мамы и папы, бабушки и дедушки. Она, несомненно, делает свои выводы именно сейчас, и я стараюсь помогать ей в этом.

— Вы не будете против, если Маша решит стать балериной, как мама?

— Об этом еще очень рано думать. Для балета нужны особые данные, которые проявятся позже.

Профессия эта очень тяжелая, и далеко не все получают ту отдачу, о которой мечтаешь, когда учишься. Я говорю не только об успешном (правда, мне не нравится это слово) пути, который чаще называют карьерой. Даже в творчестве не всегда бывают интересные работы, которые восполняют неизменно тяжелый, изнурительный труд, работу через "не могу", когда надо скрыть все усилия, всю смертельную усталость. К тому же наша профессиональная жизнь очень коротка, она не дает уверенности в завтрашнем дне. В какой-то момент заканчиваются физические ресурсы, и ты уже не можешь заработать балетом себе на хлеб.

Поэтому я буду рада, если Маша освоит более надежную профессию, ту, что даст ей удовлетворение, радость и возможность обеспечить себя. Но решать будет, конечно, она сама, когда подрастет.

— Нередко служение балету ставит отказываться от радости материнства. Вы же решились на этот шаг в период расцвета вашей карьеры...

— У меня не было никаких внутренних противоречий. Желание иметь детей возникло задолго до того, как я вышла замуж. Это желание все годы зрело и превратилось в уверенность, что я обязательно стану матерью. К тому же на тот момент у меня было состояние патологической усталости, физической и душевной загнанности. На фоне этого всплыли последствия травм, кото-

рые не позволяли с полной отдачей работать в том ритме и в том режиме, которые сложились в театре. Для меня оторваться на время от бесконечной гонки и окунуться в другую жизнь было счастьем.

— Вы — любимица зрителей и профессионалов. Уникальная популярность, участие в официальных мероприятиях не мешают ли в жизни? Не устаете от повышенного внимания?

— Я — одна из многих и никакой собственной уникальности не испытываю. Усталость наступает после непрерывной физической работы. Ответственность, связанная с исполнением сольных партий, ускоряет процесс переутомления. Изнуряет не присутствие на презентациях или участие в пресс-конференциях, а та работа на сцене, которую ты должен выполнить на высоком уровне и с полной отдачей душевных и физических сил.

Можно говорить красиво, грамотно, складно, можно быть на виду у всех, но это совершенно не связано с работой. Человек проверяется в деле. Постоянно чувствую, что должна выдать высокий уровень, которого ждет зритель. Речь не только о технике и чистоте исполнения — это для солиста само собой разумеющееся, норма. Тяжело заполнять спектакль душой. Слов в нашем искусстве нет, лица часто не видно, а ты должен так себя настроить, чтобы "струна зазвучала". Иногда даже не знаешь, что для этого нужно сделать, и одолевает страх: получится спектакль или нет. Вот от него-то, от этого страха, и устаешь.

— А как вы настраиваете эту "струну"?

— Это процесс непрерывных раздумий: в зале, на репетициях, ночью в постели, в магазине. Где угодно и постоянно.

— Узнают ли вас на улице?

— Раньше балетным было проще — их не узнавали: на лицах артистов много грима, и балетная сцена расположена далеко, да еще и отделена от зала оркестром. На телевидении не было такого количества передач, где артисты балета появляются без грима. В наше время интерес телевидения к личностям артистов балета сыграл свою роль: иногда меня узнают.

— Говорят, что вы человек замкнутый?

— Со своими друзьями могу быть совершенно другой, диаметрально противоположной — если бы кто-то из коллег увидел меня в минуты общения с близкими людьми, наверное, не узнал бы. В театре я замыкаюсь, чтобы сосредоточиться.

— Никому не удалось сделать вас героиней скандальной хроники. Интервью — это не всегда "жаренные факты", почему же вы так редко соглашаетесь на встречи с журналистами?

— Не хватает душевных сил, да и не хочется часто обнажать свой внутренний мир. Бывает даже советно акцентировать внимание на каких-то простых, личных вещах, говорить о том, что ты делаешь, как думаешь. Что об этом бесконечно говорить? Лучше, если есть что сказать, высказаться на сцене. А то бывает — интервью, телепрограммы, радиоэфир, чувствуешь повышенное внимание, уважение, а потом выходишь на сцену — и прокол, пустота. Это несоответствие — самое неприятное из тех, что могут быть. После всей "светскости" растранивается сосредоточенность, терпится внутренняя строгость. Вроде все было, но расплескалось по сторонам. Это происходит как закономерность. К тому же не хочется пустословить, честно говоря.

Беседу вела
Елена ФЕДОРЕНКО
Фото Натальи РАЗИНОЙ
и Михаила ЛОГВИНОВА

Ульяна Лопаткина Ульяна 28.01.04